

SEMANTIC CORE CHARACTERISTICS OF THE EXISTENTIALIST NOVEL IN MODERN LITERATURE

T. Yu. Osadchaya

Addressing different existential issues is the reaction of modern literature to a crisis state of civilization, the attempt to comprehend the new worldview, and, as a result, the new system of relations between an individual and society. Within the postmodern paradigm, due to influence of existentialism a number of specific features appear in the novels of modern English-speaking authors. Many elements of a literary work gradually change, first of all, it concerns the development of a genre system. The multi-genre nature of literary works demands studying basic stable characteristics of a genre as a starting point of investigation of the genre diversity in modern literature. The semantic core characteristics of a genre are dominant content aspects of the text which influence its structure. The following elements can be included in the semantic core of the existentialist novel: an archetypal plot devoting to individual's transition from one state / attitude to another; a narrative that represents a chaotic, unknowable and extremely hostile to an individual world; a literary technique of synthesis of real and surreal/conditional worlds. The British writer A. Smith in her novel *There But For The* wants to convey the following message: mutual understanding of people belonging to different "worlds" is quite impossible, it is difficult to discover and retain your identity in modern world; to complete this task she uses the elements which are included into the semantic core of modern existentialist novel. Understanding the author's intention demands a great deal of reader's interpretive activity; a reader can become a co-author of this work.

Keywords: genre, genre diversity, multi-genre nature, semantic core characteristics of a genre, existentialist novel.

УДК 82.054.7-1/-9

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Шалина М. А., Горюнов В. В.

Евпаторийский институт социальных наук (филиал)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Евпатория, Россия

E-mail: marie_ka@mail.ru, pervoe-slovo@list.ru

В статье предпринята попытка проанализировать художественную антропологию Гайто Газданова, отыскать наиболее значительные идеи и мотивы в творчестве писателя и на их основе обнаружить типы персонажей, составляющие стержень газдановской концепции человека. Выявлены ключевые аспекты творчества писателя: неопровержимая истина о неизбежности смерти и неразрывно связанная с ней «идея неподвижности», продолжением которой становится тип «неподвижного человека». Антитезой смерти и неподвижности в пространстве произведений Газданова являются, соответственно, жизнь и движение. В связи с этим рассмотрены персонажи, реализующие идею «душевного движения». Таковые представлены в пяти типах: «призрак», «стоик», «гедонист», «философ» и «мечтатель», каждый из которых сопровождается своим мотивным комплексом. Помимо художественного назначения, выделенные типы персонажей выполняют в творческом универсуме Газданова философскую функцию: являются постановкой той или иной философской проблемы и ответом автора на экзистенциальные вопросы. Так, например, типом призрака писатель ставит вопрос о самоутверждении личности, ответом на который является тип стоика. Вопрос о соотношении чувственного и рационального начал в процессе поиска смысла жизни изображается в типах гедониста и философа. Наконец, проблема структуризации и упорядочивания хаотичного бытия поднимается в типе мечтателя. Следует отметить, что типы персонажей в художественной системе Газданова не обладают свойствами константы: герои преодолевают свой характер, ощущая перерождающую силу обретенного смысла жизни.

Ключевые слова: Газданов, художественная антропология, концепция человека, экзистенциализм, смерть, движение, неподвижность.

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрический подход в современных научных исследованиях относится к одному из приоритетных принципов и означает, что «человек оказывается не просто вовлеченным в анализ тех или иных явлений, но определяет перспективы этого анализа и его конечные цели» [13, с. 99]. Очевидно, что антропоцентризм является сущностным компонентом художественной литературы как вида искусства, именуемого издавна «человековедением», ведь даже образы природного и вещественного окружения в литературном произведении чаще всего призваны выразить характеристику или внутреннее состояние героя.

Как отмечает В. В. Савельева, «каждый автор создает свой образ человека, т. е. свою художественную антропологию, которая может быть выделена в отдельную область знаний, подобно религиозной антропологии, философской, педагогической,

психологической» [19, с. 7]. Под термином «художественная антропология» в литературном творчестве понимается исследование писателем сложной человеческой природы с помощью художественных средств и воплощение в произведении концепции человека, посредством которой автор находит ответы на фундаментальные вопросы существования [см.: 7, с. 8].

Особый интерес к художественной антропологии в творчестве писателей-экзистенциалистов продиктован культурологическими изменениями, произошедшими в XX веке: прекращением доминирования над человеком метафизического начала (известный тезис Ф. Ницше «Бог умер»), в результате чего ответственность за формирование себя и своих нравственных принципов перекладывается на личность. В философии экзистенциализма эти изменения выразились в тезисах о примате существования над сущностью, субъективной истины над объективной. Следовательно, изучение концепции человека в творчестве писателей, близких экзистенциальному мироощущению, оказывается ключевым моментом в определении художественного своеобразия их творчества.

Гайто Газданов (1903–1971) – представитель младшего поколения первой волны русской эмиграции – один из тех авторов, в творчестве которых экзистенциальная тематика явилась определяющей. Художественное и стилистическое мастерство Газданова современники оценивали чрезвычайно высоко², однако долгие годы автор «Вечера у Клэр» оставался в тени читательского внимания. Научный интерес к творческому наследию талантливого писателя пробуждается только в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (работы Л. Диенеша, С. Никоненко, С. Кабалоти, Р. Тотрова, Л. Сыроватко, Ю. Бабичевой, С. Кибальника и других). За двадцатилетие газдановедение значительно обогащено научно-аналитическими трудами. Внимание

² Так, автор первой монографии о жизни и творчестве русского автора Ласло Диенеш отмечал, что «в начале 1930-х годов о Газданове заговорили как о втором, наряду с Набоковым, молодом писателе, подающем большие надежды, и даже как о его возможном сопернике» [5, т. 1, с. 5]. Далее ссылки на все цитаты из текстов Гайто Газданова приводятся по данному изданию собрания сочинений автора с указанием номера тома римской цифрой и страницы – арабской через запятую в круглых скобках. – М. Ш., В. Г.

исследователей закономерно привлекают особенности поэтики и стилистики газдановских произведений [4; 17; 18], проблемы художественного диалога автора с современниками (в особенности, с В. Набоковым) [9; 10; 23], с традициями русской классической литературы и западноевропейского модернизма [1; 3; 10; 24]. О востребованности наследия Гайто Газданова в профессиональной филологической и культурологической среде свидетельствуют результаты Международной конференции, проведенной Институтом русской литературы РАН в 2013 году [11].

Некоторые аспекты художественной антропологии писателя раскрыты в работах отечественных ученых. Так, Р. Х. Тотровым одним из первых высказана мысль об очевидной связи газдановской концепции человека с философией атеистической ветви экзистенциализма, в частности, с убеждениями Ж.-П. Сартра и А. Камю. По мнению автора, «исследование форм человеческого бытия <...> неразрывно связано с проблемой абсурда» [21, с. 527]. Герои Газданова ищут выход к осмысленному бытию, пытаясь преодолеть абсурдность своего существования, венцом которого является проблема неизбежности смерти.

С. А. Кибальник, развивая вопрос об экзистенциальной традиции в творчестве автора и фокусируясь на анализе интертекстуальных связей в произведениях Газданова, выделяет образ «человека на войне» у писателя-эмигранта и Л. Толстого [10, с. 52], сопоставляет позиции Газданова и Достоевского в отношении к проблеме конформизма и «всемства» [10, с. 184]; анализирует поиск автором «Пробуждения» собственной формулы «положительного героя» [10, с. 320].

Е. В. Кузнецовой предложен тезис о том, что «образ героя-писателя <...> отражает в своих взглядах общечеловеческие проблемы, идеи гуманистов. И в этом аспекте он дан в оппозиции к окружающей его бездуховности» [14, с. 189].

Тип «путешественника» в художественной антропологии писателя рассматривает Л. В. Сыроватко. По ее мысли, странствовать по миру, менять образ жизни, героев Газданова заставляет не чувство внутренней бездомности, а попытка ответить на «вечные вопросы» [20, с. 657].

Д. Е. Коломин анализирует функции женских образов в художественной системе Газданова. Именно женщина-«муза», по мнению исследователя, является

помощником в преодолении экзистенциального кризиса героя-мужчины в мире писателя [12, с. 25].

Весьма продуктивным видится предложенный Е. Н. Проскуриной подход к дифференциации персонажей Газданова на две концептуальные группы. В первую входят те, «кто потерял жизненные ориентиры либо остановился в своем внутреннем развитии» [16, с. 207]. Эти герои «обязательно гибнут или лишаются сюжетной перспективы» [там же]. Противопоставлены им те, «кто ориентирован на духовное “довоплощение” <...>. Только персонаж, относящийся к этому типу, может претендовать у Газданова на позицию главного героя», – делает вывод автор [там же].

«Довоплощение» героя и мира является, по мнению Е. Н. Проскуриной, основным объектом творческой рефлексии Газданова. Эта тема, как считает исследователь, объединяет все романы писателя в единый «метароманный цикл». В работе «Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова» литературовед находит сходства между романами писателя и крупной циклической формой в музыке: «...непременным условием для крупной циклической формы является соразмерность частей, а также динамика их развития, движение к кульминации» [17, с. 15]. Романы Газданова также являются свободным развитием монотемы, каждый колеблется в пределах ста двадцати-двухсот страниц – это соотнобразует с условием соразмерности частей крупной музыкальной формы. Первый и последний романы задают «тональное единство» всему циклу. От произведения к произведению единый метагерой, воплощенный во множестве образов, проходит инициацию, отвечая на вопросы самоутверждения и смысла жизни. Кульминацией цикла являются романы «Пилигримы» и «Пробуждение», в которых автор выражает собственный ответ на вопрос о смысле существования.

При несомненном интересе учёных к газдановской концепции человека следует констатировать, что целостного исследования художественной антропологии писателя до сих пор не было предпринято, тогда как эта тема, безусловно, нуждается в системном и углубленном осмыслении. **Целью** настоящей статьи является анализ типологии героев в произведениях автора и выделение на его основе газдановской концепции человека.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Человек в представлениях философов-экзистенциалистов не обладает изначально сформированной сущностью, а находится в процессе становления и самоопределения. Вероятно, именно для того, чтобы воплотить поток индивидуального существования, обострить степень осмысления этого внутреннего движения, многие герои Г. Газданова наделяются способностью к постоянной рефлексии, созерцанию чужой жизни и феноменальной памятью. Нередко персонаж с подобными качествами выступает в роли рассказчика и обладает явными автобиографическими чертами.

Ярким примером подобного героя может стать Николай Соседов, рассказчик дебютного романа Газданова «Вечер у Клэр» (1929). Это произведение, по мнению Е. В. Проскуриной, является «экспозицией ко всему циклу романов, своего рода «словесной увертюрой» (метафора Газданова), в которой задаются сюжетно-поэтические и повествовательные координаты последующих романов писателя» [17, с. 16].

Художественное повествование «Вечера у Клэр» построено на воспоминаниях персонажа о детстве, кадетском корпусе, гимназии, влюбленности в девушку по имени Клэр и Гражданской войне. Как отмечено исследователями, в этом произведении, с одной стороны, «отображена биографическая близость автора и героя-рассказчика», а с другой – фамилия Соседов «наводит на мысль о родстве, соседстве с автором, но не на полную идентификацию с ним» [14, с. 186], исключая элемент выдумки.

Внутренний мир героя романа изображается на фоне неизбежности смерти. В восьмилетнем возрасте Николай теряет отца и задумывается о своей собственной кончине. После этого смерть становится для главного героя «неотступной тенью» (I, 80), которую он ощущает повсюду: «Бессознательное, холодное равнодушие моей матери точно отразило в себе чью-то последнюю неподвижность, и жадная память сестёр вбирала в себя все так быстро потому, что где-то в отдалённом их предчувствии смерть уже существовала» [там же].

Неминуемость конца существования для Газданова – «единственная и неопровержимая реальность» (I, 489), поэтому небытие является основным сюжетообразующим мотивом в его произведениях. Например, фабула романов «История одного путешествия» (1934), «Полёт» (1939), «Пилигримы» (1953) завершается уходом из жизни персонажей. Смерть является завязкой, интригой и развязкой действия «Призрака Александра Вольфа» (1947). Роман «Возвращение Будды» (1949), центральной темой которого является абсурдность существования, начинается со слов «Я умер» (III, 139).

Основное качество смерти, которое подчеркивает Газданов, – это её «неподвижность». Так, например, в «Истории одного путешествия» главному персонажу Володе Рогачёву снится смерть в виде крылатого существа с «неподвижным лицом с медными волосами» (I, 229). неподвижность как печать ухода души из тела отражается на лице умершей Ральди, подруги героя-рассказчика романа «Ночные дороги» (1941): «Я долго смотрел на Ральди; и сквозь тяжелую печаль, которую я испытывал, я заметил все-таки, что белое, полное лицо ее почти не изменилось, и то, что ему придавало необыкновенно страшный и мертвый вид, это было исчезновение нежных ее глаз, вместо которых, с каменной и тупой неподвижностью слепые белки ее были видны во всю их ширину» (II, 137–138).

Душевная неподвижность характерна не только для мёртвых, но и для живых людей, добровольно прекративших мыслить, и, следовательно, искать ответ на вопрос о смысле существования. Часто подобное происходит из-за негативных социальных условий: «...меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, – такие глаза были у большинства проституток, – и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов – и, в сущности, почти такие же условия существования» (II, 64).

Но не только низшие слои общества обладают этим «налетом животной глупости» (II, 79), но и обеспеченные, образованные люди: «Видя лица

коммерсантов, служащих, чиновников и даже рабочих, я находил в них то, чего не замечал раньше, когда был моложе, какое-то идеальное и естественное отсутствие отвлеченной мысли, какую-то удивительную и успокаивающую тусклость взгляда» (II, 192).

Социальное пространство не требует от человека рефлексии. В нём четко распределены роли, регулируемые социальными нормами и поддерживаемые общественным контролем [22, с. 142]. Это создаёт условия для «неподвижности», обезличивания, усреднения, превращения человека в машину. Таким стандартным героем является, например, мсье Дюма из «Истории одного путешествия»: «Самый старательный француз, человек среднего роста, совершенно безличный» (I, 186).

Жизнь вне экзистенциальных вопросов характерна также для персонажа романа «Полёт» Сергея Сергеевича, наделенного от природы «слепой удачей» (I, 301) и здравым смыслом. «Машина ты, а не человек, <...> Довольно милая машина, но машина», – так характеризует его жена (I, 354). Основное качество Сергея Сергеевича – отсутствие чувственного начала: «...он никогда не любил по-настоящему, – как никогда не был до конца откровенен» (I, 305).

Из сказанного можно сделать вывод, что первейшим условием для становления личности, по Газданову, является выход за границы обезличивающего материального бытия и его норм, называемых «здравым смыслом». Это объясняет, почему большинство газдановских героев не зависит от социальных ценностей, денег и работы.

Поскольку персонажи, отмеченные «душевной неподвижностью», частотны в произведениях писателя, целесообразно выделить тип «*неподвижного человека*», для которого характерны завершённая сущность (отсутствие становления), материализм, «здравый смысл» и атрофированная чувственность. Ярким представителем этого типа является, например, профессиональная содержанка Алиса из «Ночных дорог» (1941), предавшая Ральди: «Казалось, творческое усилие, которое вызвало из небытия ее существование, создало это совершенное тело и прекрасное лицо – и исчерпало себя, и на долю Алисы, кроме этого, не выпало ничего: ни желаний, ни страстей, ни даже намерений. То, что в других вызывало волнение, или

нетерпеливое ожидание, или жажду, ее оставляло равнодушной» (II, 180). Герой-рассказчик, безмянный таксист, так характеризует ее: «Получается впечатление, что ты просто падаль, Алиса» (II, 180). Связь «неподвижного человека» со смертью, с точки зрения экзистенциальной философии, очевидна: человек, у которого отсутствуют чувственное начало и процесс становления (выбора), не является существующим.

Выделение типа «неподвижного человека» проясняет многие неявные моменты в творчестве Газданова. Например, почему главный герой «Вечера у Клэр» испытывает чувство «смерти любви» (I, 47), потери идеала в лице загадочной Клэр, чьё имя в переводе с французского означает «свет»? Николай дает ей следующую характеристику: «... отдаваясь власти сна, или грусти, или другого чувства, как бы сильно оно ни было, она не переставала оставаться собой; и казалось, самые могучие потрясения не могли ни в чем изменить это такое законченное тело, не могли разрушить это последнее, непобедимое очарование, которое заставило меня потратить десять лет моей жизни на поиски Клэр и не забывать о ней нигде и никогда» (I, 47). Зримое противоречие экзистенциальной установке о становлении сущности и акцент на слове «тело» позволяет утверждать, что идеал Николая Соседова подвержен «душевной неподвижности». Это доказывается еще и эпизодом встречи героя с Клэр во время метели: «Идёмте ко мне, – сказала она резко. В тумане передо мной, на довольно большом расстоянии, я видел её неподвижное лицо» (I, 99). Смыслом жизни «неподвижный человек» может стать, будучи недостижимым, в противном случае – он должен быть заменен на «иной образ» (I, 47).

Мотивам смерти и «неподвижности» в художественной системе Газданова противопоставляется жизнь, в основе которой лежит идея движения: «Надо ли повторять ту тривиальную истину, что жизнь есть непрекращающееся движение, что всё меняется, и что мы меняемся со всем остальным?» (IV, 320).

Независимо от личной воли человек движется по направлению к смерти. Персонажи Газданова, осознавшие это, но не нашедшие способа сопротивления неизбежному, находятся в пограничном, «призрачном» состоянии, с которым

связаны мотивы «болезни», «сумасшествия» «превращений» и «двойственности». Такие герои часто балансируют на грани «душевного обморока» (самоотчуждения).

Проблема двойственности появляется в «Вечере у Клэр»: «Я часто терял себя: я не был чем-то раз и навсегда определенным; я изменялся, становясь то больше, то меньше; и, может быть, такая неверность своего собственного призрака, не позволявшая мне разделиться однажды и навек и стать двумя различными существами, – позволяла мне в реальной жизни быть более разнообразным, нежели это казалось возможным» (I, 80).

Идея призрачного существования, бытия в абсурде, наиболее последовательно разработана в образе Александра Вольфа. Переживший собственную смерть от руки героя-рассказчика, Вольф переосмысляет всю свою жизнь, в результате чего приходит к философии, «далекой от всякой идиллической гармоничности» (III, 106). В основе его убеждений лежит фатализм: «то, что нам кажется слепой случайностью, есть чаще всего неизбежность» (III, 106).

Опыт смерти сделал Вольфа особенным человеком: «Ты считаешь себя осужденным на смерть. Но мы все осуждены на смерть. – Иначе. – Почему? – Потому что все понимают это только теоретически, а я знаю, что это такое. Почему? Не могу объяснить. В некоторых тюрьмах арестантов отпускают в город под честное слово на день или два. Они так же одеты, как все остальные, так же могут обедать в ресторане или сидеть в театре. Но они все-таки не похожи на других людей – не так ли? Меня отпустили на некоторое время; я не могу ни думать, ни жить так, как все, потому что я знаю, что меня ждут» (III, 89). Однако в этой холодной исключительности затаилась неподвижность смерти, уничтожившая личность и «теплый и чувственный мир» (III, 109) самого Александра Вольфа.

Двойственность героя заключается в том, что он, вопреки своей же собственной философии, ищет способ самоутверждения, победы над судьбой. Поиск ответа приводит Вольфа к идее убийства, заключающей в себе «невероятное, почти нечеловеческое могущество <...> стать на какое-то время сильнее судьбы и случая, землетрясения и бури, и точно знать, что в такую-то секунду он остановит ту сложную и длительную эволюцию чувств, мыслей и существований, то движение

многообразной жизни, которое должно было бы раздавить его в своём неудержимом ходе вперёд» (III, 114).

Обозначенные качества Вольфа позволяют выделить в художественной системе Газданова тип «*призрака*». В следующем романе «Возвращение Будды» (1949) писатель продолжит размышления об абсурде и изложит свой способ его преодоления. Главный герой произведения является «призраком», поскольку также, как Александр Вольф, пытается решить проблему самоутверждения, балансируя на грани потери себя: «призрачный мир неотступно следовал за мной повсюду и почти каждый день иногда в комнате, иногда на улице, в лесу или в саду я переставал существовать, я, как таковой, такой-то и такой-то, родившийся там-то, в таком-то году, кончивший среднее учебное заведение несколько лет тому назад и слушавший лекции в таком-то университете, – и вместо меня с повелительной неизбежностью появлялся кто-то другой» (III, 149).

Газдановским ответом на вопрос самоутверждения личности в абсурде является стоицизм. Стоическое мировоззрение в художественной системе писателя связано с мотивами «терпения» и «воли». К типу «*стойка*» можно отнести, например, образ отца Николая Соседова в романе «Вечер у Клэр»: «...терпение его было необычайно» (I, 55). Страстью отца Николая были пожары, а точнее – борьба с неукротимой волей стихии: «На пожарах он проявлял необычайную энергию. Он вытаскивал из горящего дома всё, что мог; и так как он был очень силен, то нередко спасал от пламени шкафы, которые выносил на спине» (I, 54). Враждебным и непонятным для себя Соседов-старший считал всё то, что напоминало ему о смерти, поскольку её невозможно одолеть силой воли: «Какая бессмысленная вещь! – говорил он. – Как глупо погиб человек! Вот, нет его больше – и ничего не поделаешь» (I, 58).

Экзистенциальное значение стоического мировоззрения осмысляется в «Возвращении Будды». Завязкой сюжета романа служит встреча главного героя с бездомным человеком со спокойным взглядом и удивительным голосом, «который совершенно не соответствовал его внешнему виду, – ровный и низкий голос с удивительными интонациями уверенности в себе. В нем нельзя было не услышать

звуковое отражение какого-то другого мира, чем тот, к которому явно принадлежал этот человек. Никакой бродяга или нищий не должен был, не имел ни возможности, ни права говорить таким голосом» (III, 146). Этим нищим был Павел Александрович Щербаков, потерявший своё состояние из-за революции и Гражданской войны. В личности Щербакова главный герой находит «бессознательный, почти органический стоицизм» (III, 188), который помог Павлу Александровичу сопротивляться отравляющему влиянию парижского дна. Это же качество разовьёт в себе герой-рассказчик для преодоления своей болезни: «...впервые за все время я был обязан победе над этим призрачным миром не внешнему толчку и не случайности пробуждения, а усилию своей собственной воли» (III, 293).

Помимо «призрачного» и «стоического» бытия в художественном мире Газданова идея неподвижности противопоставлена «бурная жизнь и неутолимая жажда душевных движений» (IV, 267). В основе такого способа существования лежит стремление к наслаждению. Героев, стремящихся к удовольствиям, Газданов связывает с архетипом Дон Жуана, но мы для удобства назовём их «*гедонистами*».

С типом «гедониста» связаны мотивы донжуанства, наслаждения, скорости, страсти и бурной жизни. В романе «Вечер у Клэр» такой героиней является служанка Клэр с «манией передвижения» (I, 40), которая каждый месяц грустила из-за нового неудачного романа.

В «Истории одного путешествия» типу «гедониста» соответствует отец Володи и Николая: «...мать Рогачева плакала в такие дни, вспоминая своего неверного мужа, самого очаровательного и умного, и в то же время самого ненадежного человека, которого она знала, неисправимого Дон-Жуана и картежника, не раз проигравшего и выигравшего целые состояния, посетителя бесчисленных клубов, бильярдных, ресторанов, всегда одетого в самый модный костюм, улыбающегося, остроумного и не верящего ни во что на свете, «кроме козырного туза и женской приятности», как кто-то сказал о нем» (I, 180–181).

Бурная жизнь героев часто является попыткой отчуждения от страдания. Это подтверждается, например, образом господина Мартини из романа «Ночные дороги» – завсегдатая ночного кафе, считающего, что «жизнь дана для удовольствия» (II, 13).

В личном разговоре с героем-рассказчиком Мартини признаётся, что пьёт «от огорчения» (II, 14): «Моя жена презирает меня, она научила моих детей презирать меня, и единственный смысл моего существования для них это, что я даю им деньги» (II, 14). Повреждение внутреннего мира характерно также для Елены Николаевны, героини романа «Призрак Александра Вольфа». Чтобы избавиться от душевной раны, возникшей из-за отравляющего влияния Вольфа, героиня ищет «сильных ощущений» (III, 75), двигаясь по жизни с необыкновенной скоростью и «вслепую».

Оппозицией чувственному бытию в художественном пространстве Газданова является отвлечённое (рациональное), созерцательное существование «*философа*». Представления писателя о философской экзистенции отражает цитата из Платона, которую Газданов помещает в эссе «Миф о Розанове» и роман «Ночные дороги»: «Вся жизнь философа есть длительная подготовка к смерти» (II, 90). Суть этих приготовлений заключается в поиске ответа на вопрос о смысле жизни.

Смысл жизни присутствует в произведениях Газданова как неуловимая «тайна», которую герои ярче ощущают в переломные моменты своей жизни: «Очень редко, в самые напряженные минуты моей жизни, – рассказывает главный герой романа «Вечер у Клэр» – я испытывал какое-то мгновенное, почти физическое перерождение и тогда приближался к своему слепому знанию, к неверному постижению чудесного» (I, 80). Со смыслом жизни связан мотив «перерождения» – перехода в новый виток становления личности.

Помимо поиска смысла жизни с типом «философа» связаны мотивы отвлечённости, гармонии и критического мышления. Образом, соответствующим этому типу, является герой «Истории одного путешествия» Александр Александрович, для которого «...все окружающее было непрекращающейся пляской линий, цветов, очертаний; иногда проявлялись случайные, всеобъясняющие идеи, объединявшие на секунду весь мир в одну хрупкую гармоническую систему; потом все рассыпалось с легким, стеклянным треском, и опять начиналась погоня за чем-то, неуловимо скрывавшимся повсюду» (I, 231).

Трагедия философа заключается в попытке найти рациональный ответ на вопрос о смысле жизни, который в итоге приводит его к пониманию того, что смерть

– единственное объективное знание о человеке. Людей, осознавших эту истину, но, независимо от этого, продолжающих рациональный поиск, Газданов называет «агонизирующими». Подобным мыслителем для автора является Розанов: «Такого убийственного разнообразия не вмещал в себя, кажется, никто. Но все это проходило сквозь него, как в бреду, и уверенность его в том, что он говорил, была очень странная, как бывает у человека нелепая уверенность в необходимости нелепого поступка во сне, это проходило и исчезало, а оставалась только одна мысль, одно чувство: “Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь”» (I, 726).

Агонизирующим человеком является Федорченко – герой романа «Ночные дороги», который всю жизнь был материалистом, пока перед ним не встал вопрос о смысле его существования. В последние дни жизни персонажа герой-рассказчик встречает его в кабаре: «Мне показалось уже тогда, что в его лице была восторженная отчужденность от всего происходящего, это было самое отвлеченное лицо, которое я когда-либо видел, это была неправдоподобная абстракция Федорченки» (II, 210). Бесконечные метания в поисках ответа в итоге доводят героя до самоубийства.

Близким к «философскому» существованию является бытие «*мечтателя*». С этим типом в творческой реальности Газданова связаны мотивы воображения и «переписывания» реальности. Мечтатель не ищет объективного ответа на вопрос о смысле жизни, а создаёт свою реальность, в которой может быть абсолютно свободным. «Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограниченна, я не подчинялся никому, ничьей воле; и долгими часами, лёжа в саду, я создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел» (I, 52), – так процесс фантазирования описывается в романе «Вечер у Клэр».

«Переписывает» свою биографию Володя из «Истории одного путешествия»: «С давнего времени у него образовалась привычка исправлять воспоминания и пытаться воссоздавать не то, что происходило, а то, что должно было произойти, – для того, чтобы всякое событие как-то соответствовало всей остальной системе представлений» (I, 177).

Рассуждая о вымысле в автобиографическом произведении, герои романа «Эвелина и её друзья» приходят к выводу, что выдумка – это субъективная реакция на внешние явления, а вся жизнь человека – «это переходы от одного видения к другому, это смена чувств, ощущений и воспоминаний. <...> И медленный путь к смерти» (IV, 314). Иными словами, в типе «мечтателя» воплощается газдановский способ изображения действительности, его творческий манифест.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги, можно сказать, что художественная антропология Гайто Газданова органична ключевым установкам экзистенциальной философии: всякий человек пытается найти решение проблемы смерти и смысла существования или отстраниться от них, создав себе «какое-то подобие жизни» (IV, 164). В соответствии с этим выделены и проанализированы ключевые типы героев в художественной парадигме Г. Газданова: «неподвижный человек», который по собственной воле или под действием губительного влияния социума отчуждается от самого себя, теряя доступ к подлинному бытию; ему противопоставлены персонажи, соответствующие идее движения, – это типы «призрака», «стойка», «гедониста», «философа» и «мечтателя». Помимо своего художественного назначения, типы персонажей Газданова выполняют философскую функцию: являются постановкой интересующей автора философской проблемы и ответом писателя на экзистенциальные вопросы. Так, например, типом призрака Газданов ставит вопрос самоутверждения личности, ответом на который является тип стойка. Вопрос о соотношении чувственного и рационального в процессе поиска смысла жизни изображается в типах гедониста и философа. Наконец, проблема вымысла и упорядочивания хаотичного бытия поднимается в типе мечтателя. Следует отметить, что тип персонажа в художественном мире Газданова не обладает свойствами константы: на протяжении произведения многие герои преодолевают собственный характер, ощущая перерождающую силу обретенного смысла жизни.

Список литературы

1. Александрова, Е. К. Старосветские помещики в Париже: «гастрономическая» пародия Гайто Газданова [Текст] / Е. К. Александрова // Русская литература. – 2012. – № 4. – С. 199–206.
2. Бабичева, Ю. В. Гайто Газданов и творческие искания Серебряного века [Текст] / Ю. В. Бабичева. – Вологда : Русь, 2002. – 86 с.
3. Боярский, В. А. Две несчастные княжны: «Княжна Мери» М. Ю. Лермонтова и «Княжна Мэри» Г. Газданова [Текст] / В. А. Боярский // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 3. – С. 169–177.
4. Боярский, В. А. Категория ошибки в рассказе Гайто Газданова «Судьба Саломей» [Текст] / В. А. Боярский // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 1. – С. 70–78.
5. Газданов, Г. Собрание сочинений : в 5 т. / Гайто Газданов. – М. : Эллис Лак, 2009.
6. Диенеш, Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / пер. с англ. Т. Салбиев. – Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. ин-та гуманитарных исслед., 1995. – 304 с.
7. Зайцева, Т. Б. Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук / Т. Б. Зайцева. – Магнитогорск, 2015. – 390 с.
8. Кабалоти, С. М. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов [Текст] / С. М. Кабалоти. – СПб. : Петербургский писатель, 1998. – 334 с.
9. Карелина, Е. К. Проблема литературных взаимоотношений В. Набокова и Г. Газданова («Камера обскура» и «Счастье») [Текст] / Е. К. Карелина // Русская литература. – 2014. – № 4. – С. 235–246.
10. Кибальник, С. А. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе [Текст] / С. А. Кибальник. – СПб. : Петрополис, 2011. – 412 с.
11. Кибальник, С. А. Международная научная конференция «Проблемы изучения творчества Гайто Газданова» (к 110-летию со дня рождения писателя) [Текст] / С. А. Кибальник // Русская литература. – 2014. – № 3. – С. 259–261.
12. Коломин, Д. Е. Функции женских образов в отражении авторской концепции творчества Гайто Газданова [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 28 с.

13. Комарова, Л. А. Антропоцентризм художественного текста [Текст] / Л. А. Комарова // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – Вып. 8 (64). – 2008. – С. 99–103.
14. Кузнецова, Е. В. Образ автора, герой-рассказчик и повествователь в романах Гайто Газданова [Текст] / Е. В. Кузнецова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 115. – С. 184–190.
15. Орлова, О. Литературный призрак Гайто Газданова: история создания образа (обзор и публикация материалов архива Газданова в Хотонской библиотеке Гарвардского университета) [Текст] / О. Орлова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: реферативный журнал / Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – Вып. 3. – С. 165–193.
16. Проскурина, Е. Н. Автор, герой, нарратив в «русских» романах Г. Газданова [Текст] / Е. Н. Проскурина // Критика и семиотика. – Вып. 11. – М., 2007. – С. 204–220.
17. Проскурина, Е. Н. Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова [Текст] / Е. Н. Проскурина. – М. : Новый хронограф, 2009. – 387 с.
18. Проскурина, Е. Н. Художественная философия смерти в новеллистике Г. Газданова [Текст] / Е. Н. Проскурина // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 2. – С. 72–82.
19. Савельева, В. В. Художественная антропология : монография [Текст] / В. В. Савельева. – Алматы : АГУ им. Абая, 1999. – 281 с.
20. Сыроватко, Л. В. Газданов-романист [Текст] / Л. В. Сыроватко // Газданов Г. Собр. соч. : в 3 т. – М. : Согласие, 1996. – Т. 1. – С. 657–668.
21. Тотров, Р. Между нищетой и солнцем [Текст] / Р. Тотров // Г. Газданов. «Вечер у Клэр». Романы. – Владикавказ : Ир, 1990. – С. 523–542.
22. Чередниченко, И. П. Экзистенциальный опыт реального существования [Текст] / И. П. Чередниченко // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 140–151.

23. Pushkarevskaya Naughton, Yu. "Diaphanous irony": ironic masquerade and breakdown in Vladimir Nabokov's *The Real Life Of Sebastian Knight* and Gaito Gazdanov's *Night Roads* / Yulia Pushkarevskaya Naughton // *Comparative literature studies*. – 2014. – Vol. 51. – Pp. 466-490.
24. Rubins, M. *Anthologizing the Jazz Age: Gaito Gazdanov's The Spectre of Alexander Wolf* / M. Rubins // *Russian Montparnasse / Transnational Writing in Interwar Paris*. – London: Palgrave Macmillan, 2015. – Pp.145–161.

References

1. Aleksandrova E. K. *Starosvetskie Pomeshchiki v Parizhe: «Gastronomicheskaya» Parodiya Gaito Gazdanova* [Old-world Landlords in Paris: *Gastronomic Parody of Gaito Gazdanov*]. *Russkaya Literatura*, 2012, no 4, pp. 199–206.
2. Babicheva Yu. V. *Gaito Gazdanov i Tvorcheskie Iskaniya Serebryanogo Veka* [Gaito Gazdanov and the Creative Quest of the Silver Age]. Vologda: Rus Publ., 2002. 86 p.
3. Boyarskii V. A. *Dve Neschastnye Knyazhny: «Knyazhna Meri» M. Yu. Lermontova i «Knyazhna Meri» G. Gazdanova* [Two Unhappy Princesses: *Princess Mary M. Yu. Lermontov and Princess Mary G. Gazdanova*]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2015, no 3, pp. 169–177.
4. Boyarskii V. A. *Kategoriya Oshibki v Rasskaze Gaito Gazdanova «Sudba Salomei»* [Category of Error in the Story of Gaito Gazdanov *The Fate of Salome*]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2015, no 1, pp. 70–78.
5. Gazdanov G. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh* [Composition of Writings]. Moscow: Ellis Lak Publ., 2009.
6. Dienes L. *Gaito Gazdanov. Zhizn i Tvorchestvo* [Gaito Gazdanov. Life and Art]. Vladikavkaz: Sev.Oset. Institut Gumanitarnykh Issled. Publ, 1995. 304 p.
7. Zaitseva T. B. *Khudozhestvennaya Antropologiya A. P. Chekhova: Ekzistentsialnyi Aspekt (Chekhov i Kirkegor)* [Artistic Anthropology of Anton Chekhov (the Existential Aspect (Chekhov and Kierkegaard))]. Magnitogorsk, 2015. 390 p.

8. Kabaloti S. M. *Poetika Prozy Gaito Gazdanova 20–30-kh Godov* [Poetics of Prose Gaito Gazdanov 20-30-ies]. Saint-Petersburg: Peterburgskii Pisatel Publ., 1998. 334 p.
9. Karelina E. *K Probleme Literaturnykh Vzaimootnoshenii V. Nabokova i G. Gazdanova («Kamera obskura» i «Schaste»)* [To the Problem of Literary Relationships of V. Nabokov and G. Gazdanov (*Camera of Obscur and Happiness*)]. Russkaya Literatura Publ., 2014, no 4, pp. 235–246.
10. Kibalnik S. A. *Gaito Gazdanov i Ekzistentsialnaya Traditsiya v Russkoi Literature* [Gaito Gazdanov and the Existential Tradition in Russian Literature]. Saint-Petersburg: Petropolis Publ, 2011. 412 p.
11. Kibalnik S. A. *Mezhdunarodnaya Nauchnaya Konferentsiya «Problemy Izucheniya Tvorchestva Gaito Gazdanova» (k 110-Letiyu so Dnya Rozhdeniya Pisatelya)* [International Scientific Conference Problems of Studying the Work of Gaito Gazdanov (on the Occasion of the 110th Anniversary of the Birth of the Writer)]. Russkaya Literatura Publ., 2014, no 3, pp. 259–261.
12. Kolomin D. E. *Funktsii Zhenskikh Obrazov v Otrazhenii Avtorskoi Kontseptsii Tvorchestva Gaito Gazdanova* [Functions of Female Images in the Reflection of the Author's Concept of Creativity Gaito Gazdanov]. Nizhnii Novgorod, 2012. 28 p.
13. Komarova L. A. *Antropotsentrizm Khudozhestvennogo Teksta* [Anthropocentrism of the Literary Text]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, no 8 (64), pp. 99–103.
14. Kuznetsova E. V. *Obraz Avtora, Geroy-Rasskazchik i Povestvovatel v Romanakh Gaito Gazdanova* [The Image of the Author, the Hero-Narrator and Narrator in the Novels of Gaito Gazdanov]. *Izvestiya Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena*, 2009, no 115, pp. 184–190.
15. Orlova O. *Literaturnyi Prizrak Gaito Gazdanova: Istoriya Sozdaniya Obraza (Obzor i Publikatsiya Materialov Arkhiva Gazdanova v Khotonskoi Biblioteke Garvardskogo Universiteta)* [The Literary Ghost of Gaito Gazdanov: the History of the Creation of the Image (Review and Publication of the Materials of the Gazdanov Archive in the Harvard University Library)]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i*

Zarubezhnaya Literatura. Ser. 7. Literaturovedenie: Referativnyi Zhurnal. Moscow: INION RAN Publ., 1999, no. 3, pp. 165–193.

16. Proskurina E. N. *Avtor, Geroi, Narrativ v «Russkikh» Romanakh G. Gazdanova* [Author, Hero, Narrative in "Russian" Novels By G. Gazdanov]. *Kritika i Semiotika*, 2007, no. 11, pp. 204–220.
17. Proskurina E. N. *Edinstvo Inoskazaniya: o Narrativnoi Poetike Romanov Gaito Gazdanova* [Unity of Allegory (About Narrative Poetics of Gaito Gazdanov's Novels)]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009, 387 p.
18. Proskurina E. N. *Khudozhestvennaya Filosofiya Smerti v Novellistike G. Gazdanova* [The Artistic Philosophy of Death in Novellistics G. Gazdanov]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2016, no 2, pp. 72–82.
19. Saveleva V. V. *Khudozhestvennaya Antropologiya: Monografiya* [Artistic Anthropology: Monograph]. Almaty: AGU im. Abaya Publ., 1999. 281 p.
20. Syrovatko L. V. *Gazdanov-Romanist* [Gazdanov - The Author Of Novel]. Moscow, 1996, Vol. 1, pp. 657–668.
21. Totrov R. *Mezhdru Nishchetoj i Solntsem* [Between Poverty and the Sun]. Vladikavkaz: Ir Publ., 1990, pp. 523–542.
22. Cherednichenko I. P. *Ekzistentsialnyi Opyt Realnogo Sushchestvovaniya* [Existential Experience of Real Existence]. *Gumanitarnye i Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*, 2010, no 4, pp. 140–151.
23. Pushkarevskaya Naughton Yu. “Diaphanous irony”: Ironic Masquerade and Breakdown in Vladimir Nabokov’s *The Real Life Of Sebastian Knight* and Gaito Gazdanov’s *Night Roads*. *Comparative Literature Studies*, 2014, Vol. 51, pp. 466–490.
24. Rubins M. *Anthologizing the Jazz Age: Gaito Gazdanov's The Spectre of Alexander Wolf*. *Russian Montparnasse. Transnational Writing in Interwar Paris*. London: Palgrave Macmillan Publ., 2015, pp.145–161.

THE ART ANTHROPOLOGY OF GAYTO GAZDANOV

M. A. Shalina, V. V. Goryunov

The paper attempts at the analysis of the artistic anthropology of Gaito Gazdanov and identifying the most significant ideas and motives in the writer's work as far as at discovering, on their basis, the types of characters that make up the core of Gazdanov's concept of man. The key aspects of the writer's creative work have been revealed: the irrefutable truth about the inevitability of death and inextricably linked with it the "idea of immobility", the continuation of which becomes the type of "immobile person". The antithesis of death and immobility in the space of Gazdanov's works is life and movement, respectively. In this regard, the characters realizing the idea of "soul movement" have been considered. They are represented in five types: "ghost", "stoic", "hedonist", "philosopher" and "day-dreamer", each of which is accompanied by its own motive complex. In addition to the artistic purpose, the selected types of characters perform a philosophical function in Gazdanov's creative universe: they are a statement of the problem and the author's answer to existential questions. Thus, for example, through the type of ghost writer raises the question of self-assertion of the personality, the answer to which is the type of stoic. The question of the relationship between the sensory and rational principles in the process of searching for the meaning of life is depicted in the types of the hedonist and philosopher. Finally, the problem of structuring and ordering chaotic being rises in the type of day-dreamer. It should be noted that the types of characters in the artistic system of Gazdanov do not have the properties of a constant: heroes overcome their character, feeling the regenerating power of the newly acquired meaning of life.

Key words: Gazdanov, artistic anthropology, concept of man, existentialism, death, movement, immobility.